

О ЦЕРКВИ, КУЛЬТУРЕ И РОК-МУЗЫКЕ

Петр (Мещеринов), игум.

I.

Сначала несколько общих соображений.

Сегодня перед нами со все большей и большей остротой встает вопрос – почему Церковь становится малоубедительной для огромного числа людей, особенно для молодежи? Одной из важнейших причин этого является следующее. Церковь – это не голый спиритуализм, не исключительно духовность; Церковь целостно охватывает всего человека, все сферы его жизни. Духовность же свою Церковь выражает посредством определенной культуры, которая есть культура слова, *logos'a*, личной, самостоятельной и ответственной рефлексии (не путать с приходской субкультурой). Эта культура глубоко традиционна и – в лучшем смысле слова – консервативна.

Современные люди не только от рождения, но уже и на генетическом уровне живут в совершенно иной культуре: для более старшего поколения футбольно-кинематографичной, для молодежи же – компьютерно-клиповой. Это прежде всего культура видеоряда и массовых медиа-технологий, которые обесмысливают традиционную эстетику. Музыка из высочайшего искусства превращается в попсу, – ибо если она играет и гремит из всех точек пространства, она не может не обесцениться. Изобразительное искусство из-за перестройки мышления на прежде всего видеовосприятие теряет значение искусства и становится повседневным фоном. Литература, соответствующая высокой эстетической заданности прошлых времен, просто не может пробиться к массовому читателю из-за массовости же полиграфии... и т.д. Количество слов в сегодняшнем мире, обеспеченное системой массовых коммуникаций, девальвирует и обесценивает смысл слова. В научном обиходе все это называется "постмодернизмом"; в практическом ключе современная культура – это оболванивающая стадность политтехнологий, спортивных трансляций, рекламы, MTV и мобильно-интернетности. Дальше всего она именно от индивидуального осмысления жизни, от *logos'a*, слова, его ценности и значимости.

Именно здесь, на мой взгляд, коренится малопродуктивность современной церковной проповеди: в нестыковке культур. Церковь обращается к людям на своем языке, а современный человек – не то, что он "плохой", хуже, чем люди, скажем, XIV века, – но он просто не "въезжает" в ту культуру и те слова, которыми оперирует Церковь. Людям поэтому тяжело читать Евангелие, воспринимать традиции Церкви, а тем более – перестраивать в соответствии с ними свою жизнь. Этико-культурный "резерв" современного человека не способен вместить этого.

II.

Что делать? Ну конечно, ни в коем случае не становиться Церкви клипово-мобильной (есть такие попытки), хотя, безусловно, в деле миссии необходимо учитывать особенности современной культуры и пользоваться ими, говоря с людьми на их языке. Нужно осознать

(и прежде всего – пастырям Церкви и людям, причастным к делу миссии и катехизации), что на Церковь сегодня свалилась почти неподъемная задача – включать в воцерковление и "во-культуризацию"; вместе с Евангелием, а порой и до него, знакомить людей с исторической традиционной Евангельской человеческой культурой. Сразу нужно оговориться, что под культурой я здесь понимаю, с одной стороны, не памятники церковной жизни, и не перемещение человека из современности в ностальгически-этнографическое прошлое; с другой стороны – не походы в консерваторию или картинную галерею (хотя это далеко не лишне, надо сказать). Христианская культура – это прежде всего способ мыслить, это фундамент этики и эстетики, основанный на личной ответственности и христианской свободе, на мировосприятии не-стадном, чувствующем и понимающем многогранность и сложность христианства и вообще жизни.

Это очень важно в деле миссии. Христианизация – это как прививка плодового черенка дереву; для того, чтобы нам получить плод, необходимо как минимум здоровое "дерево", к которому прививается благодать Христова. Если раньше традиционный ("доэлектрический") социум представлял собою именно такое дерево, то сегодня положение решительным образом изменилось. Деревьев нет, и Церкви приходится самой сначала их выращивать, и самой потом уже прививать. Приходя к людям, начиная говорить с ними о Христе, необходимо учитывать это. Привьется ли наше слово? Не бывает ли так, что ему и привиться-то не к чему? Может быть, не о Церкви нужно начинать говорить "в лоб", а прежде о том, что человек – не часть толпы, что у него есть от Бога голова не только для того, чтобы он ею ел и смотрел телевизор, а чтобы осмыслил себя как личность. Может быть, сначала необходимо сказать о человеческом достоинстве, о здравомыслии, нравственности, порядочности, воспитанности и о многих простых вещах, о которых наши соотечественники имеют, увы, очень малое представление, – и потом уже к этому прививать благовествование Христова. Осмысление этой проблемы, практическое ее решение – первоочередная задача миссии в постмодернистском культурном пространстве.

III.

В свете вышесказанного – несколько замечаний о "рок-проповеди", которая вызывает сегодня споры в церковной среде. Надо ли священнослужителям, миссионерам идти в рок-мир, проповедывать на рок-концертах? Непременно, обязательно надо. То, что делают игумен Сергей (Рыбко), диакон Андрей Кураев и другие наши рок-проповедники – дело важное и необходимое. Но это дело и новое для нас; первые опыты показали его нужность и успех, но и поставили вопросы, с которыми, я думаю, рок-миссионеры обязательно столкнутся, когда спадет первая волна энтузиазма этого необычного вида проповеди. Вопросы эти – "а что дальше?" Миссионерский импульс мы дали; но каковы будут следующие, уже педагогические, шаги?

Выше я отмечал, что многим людям тяжело воспринимать Евангельскую весть и церковные традиции, потому что их внутреннее устройство и внешняя среда культурно "не вмещают" полноту христианства. Способна ли вместить эту полноту рок-культура? Будучи по образованию и интересам академическим музыкантом, попробую порассуждать на эту тему с точки зрения музыкальной эстетики (сознательно не затрагиваю социальные и прочие аспекты рок-культуры).

Рок-музыка по всем без исключения параметрам представляет собою *низший жанр*. Во-первых, единственная музыкальная форма рок-музыки – песня (прямолинейная подача смысла, что почти недопустимо в художественном произведении). Во-вторых, мелодическая, гармоническая и ритмическая компоновка этих песней, как правило, весьма примитивна: квадратные построения, бесконечные повторения, три-четыре аккорда, непрестанное подчеркивание ритма и проч. (учитывая богатство музыкальных средств выражения, ограничение лишь примитивнейшими из них неизбежно сводит рок-музыку к первобытной эстетике). В-третьих, рок невозможен без электрозвука, противоположного по сути естественным акустическим тембрам музыкальных инструментов. В-четвертых, рок-музыка предполагает обязательную "обратную социальную связь"; стандартно-ансамблевая при исполнении, она требует аудитории; ее не поиграешь "для себя", уединившись за фортепиано (а в связи с примитивизацией средств художественного выражения обязательно происходит и примитивизация аудитории). И так далее, не буду утомлять читателя профессиональными подробностями. – Я не говорю о содержании текстов, о мастерстве и обаянии самих рок-музыкантов; речь, повторю, идет исключительно о музыкальной стороне вопроса. И, на мой взгляд, с этой точки зрения эстетика рока не может вместить в себя весть о Христе.

Вообще в художественном творчестве, как известно, большие проблемы с достойным выражением положительного идеала; а уж адекватно говорить о Боге посредством эстетики можно лишь в виде исключения. В музыке, пожалуй, одному лишь И.С.Баху удалось с великой силой художественной убедительности говорить о Христе, и то за счет того, что его искусство – изощреннейшее, интимнейшее, на пределе сложности – опирается на древнюю европейскую религиозную музыкальную символику и литургические тексты Лютеранской Церкви, без знания чего мы не можем понять музыки Баха (а в наше время и для проникновения в эту область знания требуется значительное культурное и личное усилие и желание). Но Бах – исключение; уже обычная классическая музыка, вооруженная богатейшим арсеналом художественно-выразительных средств, с гораздо меньшей адекватностью (чем творчество Баха) способна выразить содержание христианства; тем менее это может низшее и примитивнейшее с музыкально-эстетической точки зрения явление – рок-музыка.

Не нужно думать, что это отвлеченные рассуждения. Эстетика с трудом может довести человека до начатков божественной гармонии (всего несколько имен в истории человечества); но она может запросто обрушить благие религиозные интенции творца до неожиданно низкого уровня подмены смыслов. Для примера возьмем нашего самого известного православного рок-певца – Константина Кинчева. Каким бы он не был лично замечательным православным христианином, в рамках рок-культуры говорить именно о Христе и евангельской жизни у него не получается. Рок-эстетика снижает его мысль до околохристианских вещей: он поет о "небе славян", о Руси, о том, что сейчас позднее, чем можно было себе представить ("православные" страшилки), и проч. Легко завести зал на рок-концерте, чтобы полупьяная молодежная аудитория вслед за своим кумиром ревела: "мы – православные"; но возможно ли в рамках рок-концерта дать человеку подлинно художественный импульс к осмыслению того, что должно стоять за этим словом? Мне видится здесь опасность совершенно неверного восприятия Православия. Не одушевленное подлинным христианским содержанием, оно, вслед за эстетическим, неизбежно снижает и этическое, и духовное свое значение (как тут не вспомнить

Бродского: "эстетика – мать этики"), и превращается в некую "православную" идеологическую оболочку, под которой скрывается массовая молодежная агрессия; а она может так или иначе выплеснуться (и уже выплескивается), что отнюдь не служит ни полноценному воцерковлению этих молодых людей, ни авторитету Церкви.

IV.

Итак, что мы в перспективе хотим от нашей проповеди на рок-концертах? Внести в рок-культуру элементы внешнего, "сниженного", обскурантски-националистического "православия"? Как любую агрессию и любой примитив, рок-культура, будучи в значительной степени примитивной и агрессивной по природе, такое "православие" примет и "переварит". Нужен ли такой результат нам (и – кстати – самой рок-культуре)? Или все же мы хотим благовествовать Христа и евангельскую жизнь в Его Церкви? Но это возможно, если мы, хотя бы частично, выведем людей за рамки собственно рок-культуры и введем их в гораздо более высокую и во многом иную культуру христианства. Именно это направление в рок-проповеди представляется мне единственно возможным, если мы желаем действительного успеха нашей миссии в этой области. Конкретные же шаги такого миссионерства – повторю, принципиально необходимого – нуждаются в обсуждении всех, трудящихся на ниве апостольского служения в молодежной среде.

Напечатано в Церковном Вестнике N 13-14 июль 2006 г. под названием: "Рок-музыка и рок-проповедь".